

НАМ НЕ ХВАТАЕТ ВЕСЕЛЫХ ПАМЯТНИКОВ

Так считает поэт и депутат Евгений Бунимович

Независимый 1997 - 2001. - 29 марта. - 9/13

Евгений Бунимович.
Фото Фреда Гринберга (ИГ-фото)

Мы уже рассказывали, что московская городская Дума приняла Закон «О порядке возведения в Москве произведений монументального и декоративно-прикладного искусства». Сейчас при московской Думе работает специальная комиссия, которая будет регулировать этот процесс. Более 50 поправок внёс в документ московский депутат, поэт Евгений Бунимович.

ЕВГЕНИЙ, вас занимает не только законотворческая база, но и идеология монументального строительства в Москве, не так ли?

— Меня давно беспокоит проблема памятников и их установления в крупных городах. Слава Богу, сейчас есть специальная комиссия, и ее наличие уже предполагает некую осторожность. Ее позиция не имеет статуса закона, она рекомендательная, то есть не «решили поставить», а «возможно было бы». Однако без разрешения комиссии ничего сделать нельзя. И московский голова, кстати, также не может самостоятельно решать вопросы установления памятников.

Но кое-что меня продолжает беспокоить. Представление наших лучших скульпторов и общественности о современной скульптуре заключается в том, что скульптура должна быть фигуративной, предметной. То есть опять воинствующий дядька на коне или в пиджаке и еще многофигурные композиции. Словом, памятник, по представлениям большинства, — это обязательно фигуры. А ведь египетские пирамиды — тоже памятник, но в виде геометрического тела, а не прямого портрета. И весь опыт XX века с иными — символическими или пластическими — решениями как будто куда-то делся.

Но бывают же и удачи! Например, такие, как памятник в виде листа Мебиуса Андрея Налича на Комсомольском проспекте. Мне очень нравится рукавишниковский Юрий Никулин. Он, заметьте, сразу впился в городскую среду. Трогательно и то, что он стоит демократично на тротуаре (к Дзержинскому подойти и цветы положить нельзя было — иная эпоха). А с Никулиным возникает диалог — можно подойти, посидеть рядом, пожать руку. Это новое отношение между памятником и человеком. Это доверие города к тебе, что очень важно, и проверка на неванальность и неварварство.

Решен вопрос о мемориале Булату Окуджаве. Его автор Георгий Франгулян выиграл у самого Церетели. Уже стоит памятник и Раулю Валленбергу.

— В последнее время в моду вошли беседы о переносе памятников.

— Да, но я против того, чтобы таким образом закрывать страницы истории. Есть предложения перенести памятник Гоголю обратно из садика на Гоголевский бульвар. А мне он и во дворике нравится. Он умер в соседнем доме, и место поэтому естественно. Он уже прижился там, и вообще московская традиция ставить памятники не на площади, а в сквериках, хороша. Москва не Питер. В ней меньше парадности. И это чисто наше безумие — два Гоголя на одной площади.

— Они спиной друг к другу стояли бы или лицом, преданно смотря в глаза, как вам представляется?

— Первый был бы немало удивлен надписью на постаменте второго — бодрого и веселого — «великому художнику слова от правительства СССР». Не от народа, не от Москвы, не от благодарной России. Уже пусть стоят где стоят. Не станем уподобляться тем, кто когда-то сносил. У всех памятников своя судьба. Надо спокойнее, с улыбкой относиться к истории собственной, а не расшибать лбы.

Сейчас в Москве, по моему мнению,

три эталонных памятника по монументальности и точности — Пушкину, Гоголю, Минину и Пожарскому. Так вот поднимают идеи и о переносе Пушкина с Пушкинской площади на Тверской бульвар, и они соответственно рождают идеи поставить второго Пушкина — напротив, чтобы стояли, как ворота при въезде в город.

— Или Триумфальная арка.

— Я бы сказал — триумфальная арка русской поэзии. С Пушкиными вообще много нашили во время юбилея. Помните, на Старом Арбате — Пушкин и Натали? Есть такие картинки у фотографов с отверстиями для лиц заказчиков. И вот представляете: бронзовый Пушкин, головы нет, а голые бакенбары. А если к ним приставить голову живого жениха, а к шее Натали — невесты? Вот славная фотография бы вышла.

Еще один забавный прецедент может возникнуть. Принято решение о восстановлении памятника Скобелеву, что, безусловно, заслуженно. Прославленный герой Русско-турецкой войны, известная фигура. Но где ставить памятник? На его месте давным-давно стоит Юрий Долгорукий. И еще хочу напомнить, что на том же месте в свое время был обелиск Свободе, созданный одним из лучших московских скульпторов Николаем Андреевым (автор того, самого знаменитого памятника Гоголю). Тогда придется его тоже восстановить? Направляется постмодернистское решение: поставить их всех в одном месте рядом.

Это будет такой памятник XX веку в России. В середине Свобода, по одну сторону Долгорукий с решительным движением руки, по другую — Скобелев с шашкой. (Шутка.) Ничего лучше не отметит, наверное, наше безумное состояние в этом веке.

— Энгельс, кстати, напротив храма Христа Спасителя многим тоже не нравится.

— Странноватое место для памятника Энгельсу, я согласен. Ну что же, опять сносить или, может быть, буквы на постаменте перебить, и станет он памятником Кропоткину (который, кстати, также решено в Москве установить)? Пусть это будет курьез истории. Такого много и в Европе. В Париже, смотришь, на площади стоит полутолая дама и при ближайшем рассмотрении выясняется, что это либо Свобода, либо Республика. А на соседней площади — какой-то мужчина в шляпе с перьями и на коне — один из Людовиков со своим порядковым номером. В принципе они противоречат друг другу — или свобода, или абсолютная монархия. Но уже лет 200 с Интернетом переглядываешь, что нормально.

— Много споров идет и о восстановлении памятника Дзержинскому.

— Ну, Бастилию же в Париже не восстанавливают. Есть у каждой революции какие-то символы, которые не восстанавливают.

— Словом, творческая мысль кипит. Так, видимо, у вас и родилась идея установить памятник ельцинской эпохе в виде загогулины?

— Что касается самой загогулины, у меня возникла эта задумка не потому, что я занимаюсь вопросами памятников. Смотрите, худо-бедно мы сейчас перешли демократическим путем из одной эпохи в другую: передали власть от Ельцина Путину. В России такое случается нечасто, чтобы без кровопролития и не после смерти лидера, а в результате выборов. Это я рассматриваю, как некий результат. Как ни относиться к предыдущим 10 годам нашего бытия (за рубежом это называется эпохой Ельцина), это была наша жизнь. Для кого-то эти годы были страшными, для кого-то — весьма удачными.

Юрий Михайлович очень легко, реактивно и сразу одобрил эту идею. Но ме-

ня лично смутило, что он предложил возвести памятник перед ЦКБ (Центральная клиническая больница. — Е.В.). В этом есть момент мстительности. Он же тоже политик этой эпохи, и она была для него всем. А что касается ЦКБ, то все там будем, только в разных Б, без ЦК.

— То есть речь идет о памятнике примирения?

— Я убежден, что нам сегодня не хватает памятников — таких чуть-чуть мирных, чуть-чуть веселых и с иронией. Вообще одно из главных человеческих качеств — научиться оглядываться на прошлое с улыбкой и юмором. Согласитесь, что само слово «загогулина» уже стало неким клише, вошло в нашу жизнь, все используют его и автор идеи не вызывает сомнений, он очевиден. Сам жест, если вы помните, который он в воздухе воспроизвел, это и есть уже пластическое решение.

— Где же приживется такой витиеватый и образный монумент?

— Я депутат от Западного округа, и мне кажется, что поставить его где-нибудь около Рублевского шоссе было бы неглупо. Проезжают кавалькады с дискотекой на крыше, с кучей охраны, а тут у дороги тихохонько загогулина лежит и напоминает, что все преходяще. Даже власть. Может быть, что-то у кого-то изменится в восприятии мира?

Есть и авангардные задумки и замсловатые решения. Например, предложили сделать загогулину в виде арки над Рублевкой. Такая прозрачная труба, а люди ходят внутри этой загогулины. Необязательно использовать привычную бронзу или камень. Можно лазером в небе рисовать, причем каждый раз по-разному. Придумали еще, чтобы загогулина перемешалась с места на место — передвижность своего рода.

Но я хотел бы, чтобы она была демократичной. Чтобы дети там играли. Вот сейчас зима, и они катались бы с нее на санках. А почему нет?

— Однако дискуссий вокруг загогулины много.

— Да, причем жарких, и они, боюсь, только еще начинаются. Многие считают идею небесспорной. Но бесспорно, что Москве для украшения нужны новые пластические решения. И опять я призываю отойти от фигуративной скульптуры. Вель у нас практически нет ни одного декоративно-абстрактного украшения города, не хрестоматийного. Может быть, именно загогулина откроет новый этап городской декоративной скульптуры. Это, надеюсь, может стать продолжением русской традиции, которая всегда несла серьезный философский, социальный и исторический смысл, как и все русское искусство. В этом есть эстетика и этика. А также может возникнуть много ассоциаций исторического плана. Это наше пережитое и наш путь.

ИЗ ДОСЬЕ «ИГ»

Евгений Абрамович Бунимович родился в 1954 году в Москве. В 1975 закончил механико-математический факультет МГУ им. Ломоносова. Поэт, публицист, педагог. 25 лет преподает математику в экспериментальной гимназии РАО. Заслуженный учитель России. Член исполкома Русского ПЕН-центра. Депутат Московской городской думы, где курирует вопросы искусства и образования. Автор четырех поэтических книг и более десятка учебных пособий для российских школ.